

Тая Найдено

МИКРОВОЛНОВКА И РОДСТВЕННИКИ

Родственникам у нас не нравится, но мы — единственная одесская кровная линия, поэтому выбирать не приходится. В конце концов, надо же людям выбраться летом в Одессу!

Поэтому узнав, что детей мы отправили к бабушке, родственники тут же сообщают, что придут на днюх. Ну не пропадать же двум свободным койко-местам в разгар сезона...

Вот друзья бывают веселыми людьми из мира Пратчетта. Друзья могут быть суровыми друзьями из Джека Лондона. Попадают даже фантастические друзья, будто из комиксов о супер-героях.

Родственники — они всегда из Достоевского. Это люди, которые появляются, когда ты уже более-менее приятно ответил себе на сакраментальный вопрос «Тварь я дрожащая или право имею?..». Тогда они входят в квартиру и как бы говорят тебе:

— Ну, здравствуй, тварь!

К приезду родственников нужно выйти

из летней расслабленности и до блеска натереть всё, что найдётся в доме — от внутренней поверхности унитаза до ручки входной двери. Затем нужно сварить борщ, налепить пельменей, посадить 40 розовых кустов и познать самое себя — ведь всё это будет усиленно обсуждаться родными в далёких краях ещё не один год.

Приехав, родственники немедленно налаживают удобный режим дня. Если любишь вставать рано, они непременно станут гулять до утра и спать до обеда, чтобы тебе пришлось красться по собственной квартире на цыпочках, походкой коварного маньяка. Если сам хочешь поваляться в кровати допоздна, родственники подорвутся с рассветом и захотят есть, пить кофе, умываться, переодеваться, хлопнуть дверьми и оглушительно перешёптываться.

Наши родственники оказываются ранними пташками. В девять утра они зависают над моей постелью с лицами заговорщиков в царских покоях. Я понимаю, что до полноты образа им не хватает только кровавых кинжалов.

— Нет, — возражают родственники, — нам не хватает кофе. И мы не можем найти электрочайник.

— И не ищите, — советую я. — Чайник на днюх сгорел, а так как гостей мы не ждали, то решили, что обойдёмся пока и микроволновкой.

Раздумывая о том, не прозвучал ли в моих словах лёгкий оттенок негостеприимности, я кипячу воду в чашках. И когда я почти уже готова смягчиться и выказать не-

много приветливости, родственники высказывают ряд новых требований:

— Нам нужно нагреть воды для утреннего душа. Нам нужно простирнуть футболку. Нам нужно погладить вещи. Нам нужно, нам нужно!..

И это в то самое время, в те священные полчаса дня, которые я трачу обычно на первые 20 сигарет, чтобы хоть как-то примирить себя с миром...

«На самом деле вам нужен только вертолёт, чтобы успеть убраться отсюда, пока не началось...» — думаю я. Но вслух говорю довольно вежливо:

— Вода для кофе в микроволновке уже почти вскипела. Потом мы разогреем в микроволновке завтрак для вас. Потом я поставлю в микроволновку воду, чтобы подогреть её для купания. Пока она будет греться, разложите свои вещи сверху — они великолепно разглядятся под действием пара! Что касается стирки, то...

— Это тоже вполне можно сделать в микроволновке?.. — озадаченно уточняют родственники.

— Конечно! Видите, вы уже ухватили принцип!

Родственники не понимают, шучу я или нет, но на всякий случай не спорят и подвизывают с требованиями. В награду за такое разумное поведение я выдаю им целый настоящий утюг для глажки, и они спасаются бегством на море.

Вечером, покурив родственников ужином, я вежливо интересуюсь, не нужно ли им чего-нибудь ещё: массаж, вечерний теле-

визор, приятная беседа?..

Родственники опасливо косятся на микроволновку и говорят, что всё и так замечательно. Чтобы снять напряжение, один из них подходит к холодильнику и в лицах рассказывает анекдот про блондинок:

— Блондинка щёлкает выключателем, свет в комнате исчезает. Тогда она спрашивает у подружки-блондинки: знаешь, где он сейчас? А вот! В холодильнике!..

В концовке анекдота родственник эффектно распахивает дверцу нашего холодильника. Но ничего не происходит, потому что лампочка там сгорела ещё полгода назад, а так как гостей мы не ждали...

— Света у вас в холодильнике нет, — озадаченно замечает родственник.

— На самом деле он вот где! — успокаиваю я, открывая дверцу микроволновки!..

В общем, в итоге всё прошло замечательно. На прощание родственники благодарили за тёплый приём, за весёлое общение и вкусный борщ. Всё, говорят, нам у вас понравилось: и море, и Дерibasовская, и люди, и чудо-микроволновка!

И мы в ответ говорили: вот и замечательно! Обязательно приезжайте ещё!

Потому что родственники — это люди из Достоевского, и суть их в том, чтобы годами мучительно врать друг другу. И только иногда, раз в сто лет, мазнёт по их измученным притворством лицам тёплый свет искренности, узкий луч правды... хотя бы из микроволновки. ♦

иллюстратор: Евгений Ларионов

Михаил Пойзнер,
доктор технических наук

С МОРЕМ В СЕРДЦЕ

Есть немало писателей, рассказывающих о море и морях. Среди них и прошедшие нелегкую морскую школу, и романтики, не окунавшиеся в водную стихию.

А чем привлекательна морская проза Аркадия Хасина? В чем ее особенность?

Начну издали.

В 50-60-е годы главный вход в высшую мореходку (в «вышку», как ее называли) был с улицы Градоначальницкой — почти с угла моего дома. Утром, днем, вечером и даже ночью люди в морской форме мелькали перед глазами. 15-й трамвай всегда был переполнен курсантами, снующими из слободского экипажа в город и обратно.

Моряки будоражили наше детское воображение. По обрывкам фраз можно было узнать, что такое ДВС или азимут; кто, где и на каком «корыте» ходил «в каботаже» на плавпрактику. И не только это. Тогда я впервые услышал магические слова — Фамагуста, Пирей, Танжер, Бейрут... Эти слова мы знали задолго до школьных уроков

географии. Казалось, все хотели «в моря». И я хотел!

С «пятой графой» в «вышку»? Туда не то чтобы не брали — туда даже не подпускали. Зная мой «морской ориентир», об этом только и твердили вокруг. Вся предыдущая жизнь и ее написанные законы не убеждали в обратном. А тут есть Аркадий Хасин — и не просто обычный матрос, он — стармех «Аркадия Гайдара»!

Так я надолго запомнил эту фамилию и как бы заочно подружился с Аркадием Хасиным, и потом, уже в водном институте, многократно читал и вникал в его газетные публикации о море и морях.

Жизнь Аркадия Хасина отчасти напоминает судьбы героев Лавренева и Шолохова, Крона и Конецкого, Станюковича и Джека Лондона. Он проработал на судах Черноморского морского пароходства 52 года (!), пройдя путь от кочегара до стармеха, побывав на всех континентах и чуть ли не во всех морских странах мира.

Сначала детская мечта стать моряком, потом, шаг за шагом, освоение морских премудростей — пока крепко не станешь на «морские ноги», пока привычно не почувствуешь под ногами палубу.

А всему этому предшествовала война — страшное горе, разрушения и огромные людские потери. Гетто и концлагерь, когда балансируешь на грани жизни и смерти, когда детскими глазами смотришь через колючую проволоку на остальной мир, когда кусок хлеба и отвоеванные у смерти мгновения и есть счастье.

Аркадий Хасин не сломался.

Казалось бы, нельзя переступить через ужасы Холокоста. Он переступил!

Кажется, нельзя переступить через естественные и искусственные преграды на пути к морю. Он переступил!

«Всем, кто меня слышит...» — обращается к нам Аркадий Хасин. Название его двухтомника выбрано не случайно. «Всем, кто меня слышит...» — известный сигнал бедствия, приравненный к тревожному «SOS». Книга призывает не забывать ужасы войны, унижение человеческого достоинства и страшные годы фашистской оккупации.

Чем измеряют прожитую жизнь? Годами? Горем? Счастьем?

Ответ зависит от того, чем наполнены твои годы. У А. Хасина они наполнены морем — морем спокойным и трогательным, жестким и жестоким, беспредельным и тем, которое у твоего порога...

Морем, неразделимым с Одессой и одесситами.

Морем, притронувшимся к человеческим судьбам, удер-живающим на плаву любовь и ненависть, добро и зло, равнодушие и высокое самопожертвование.

После знакомства с такой литературой отчетливо осознаешь, что чужих морей (в отличие от городов и стран!) не бывает, что море — это общий дом, приносящий радость познания мира и человеческих характеров.

Что нельзя быть порядочным человеком только на сегодня-завтра.

Что выборочная принципиальность — самая большая беспринципность.

Что одесситом и тем более моряком — надо родиться.

Что преследующая память (жестокая память!) может делать человека не только злопамятным, но и добропамятным.

Что море — это не только полная гарантия благополучной жизни, но и моменты, когда впереди и сзади только гребни волн, когда «в долгом одиночестве кают, в бешенстве океана... только пена заглядывает в наглухо задраенный иллюминатор». Многие ли готовы к этому?

Закончу на одесском слове.

Одного одессита убеждают: «Нам вас так не хватает! Так не хватает!!!».

В ответ: «Не хватает для чего? Для полного счастья или для ровного счета?!».

Настоящего одессита Аркадия Хасина сегодня ощутимо не хватает в принципе.

Не хватает, чтобы отличить участников событий от соучастников.

Не хватает, чтобы преднамеренно сказанное скороговоркой властью предержанными расшифровать до понимания самой сути происходящего.

И если так, то не хватает и для полного счастья, и для ровного счета.

Его, который сегодня живет далеко от Одессы, не хватает, прежде всего, для человеческого общения. И море тут уже ни при чем... ♦

Книга вышла в издательстве «Порты Украины» при меценатской поддержке судоходной компании «Укрферри». Первая презентация издания прошла на «Зеленой волне»-2018